

Глава 17. В путь

Небо прояснилось, тучи рассеялись, и сквозь чистый воздух заиграли яркие краски умытого дождем мира.

К следующему дню рана на плече Цзинь Линьэра почти затянулась.

Сунь Цинфэн порывался сходить в ближайший городок за добрыми снадобьями, но ослабевший после ранения Линьэр ни в какую не отпускал его от себя, умоляя не исчезать из виду. Глядя на его бледное, осунувшееся лицо, защитник и сам не находил в себе сил уйти. Пришлось смириться: он лишь ненадолго отлучался из пещеры, чтобы набрать съедобных кореньев да подстрелить какую-нибудь дичь.

Линьэр устроился у входа в грот, лениво греясь под первыми теплыми лучами солнца. Он по-детски беззаботно наблюдал за хлопочущим поодаль Сунь Цинфэном, напрочь позабыв о вчерашних невзгодах. Стоило тому поднять голову, как он неизменно натыкался на сияющий взгляд мальчишки. И как только в таком отчаянном положении у того получалось радоваться жизни?

К ночи вновь заморосил мелкий дождь.

Горы потонули в глухой, дремотной темноте. Вход в пещеру завесила мерцающая пелена дождевых нитей, а размеренная капель в лужах у порога убаюкивала и манила ко сну.

Сунь Цинфэн, полулежа вполоборота к стене, не смыкал глаз, бдительно всматриваясь в ночную сырость за порогом.

— Старший Сунь, а ведь прошлой ночью я вовсе не спал, — заговорил лежащий у него на коленях Линьэр, лениво перебирая его длинные, только что вымытые влажные пряди. — Я притворился.

— Дурак я, по-твоему, чтобы верить? — Сунь Цинфэн тряхнул головой, высвобождая волосы из цепких пальцев.

Линьэр негромко рассмеялся:

— Да просто ты у нас злодей грозный. Вдруг, излив душу, устыдишься собственной слабости и решишь прирезать свидетеля?

— Хм, — хмыкнул защитник, не найдясь с ответом.

Мальчишка попытался приподняться на локте, но забыл о раненом плече — резкая боль

пронзила тело, заставив его со стоном повалиться обратно.

Сунь Цинфэн тут же подхватил его, придерживая:

— Да утомнишься ты хоть на миг?

— Раньше я думал, что ты просто самый добрый человек на свете, — Линьэр обхватил его за шею и, словно ласковый щенок, потерся о его небритую щеку. — А теперь знаю: ты настоящий герой.

Добившись своего, он с умиротворенной улыбкой уткнулся носом в его колени. На душе было тепло и сладко, будто он только что съел лакомый кусок медовых сот.

— Мой собственный герой, — едва слышно пробормотал он, засыпая. — И никто больше о тебе не знает.

Сунь Цинфэн покраснел.

«Уж не заразил ли он меня своей лихорадкой?» — растерянно подумал он.

— Да ну тебя! — проворчал он наконец, когда краска сошла с лица. Он осторожно переложил голову Линьэра на кучу сухой травы, а сам пересел к противоположной стене. Обхватив руками верный меч и прижав его к груди, защитник застыл, готовый отразить любую угрозу.

Но страшился он не императорских солдат, не лесных хищников и даже не злых духов, а нового приступа нежности со стороны этого несносного сорванца. Непонятно, в какой момент они успели сблизиться настолько, что постоянное присутствие мальчишки под боком перестало тяготить его и сделалось чем-то само собой разумеющимся. И это пугало сильнее любого врага.

Потревоженный шорохом Линьэр приоткрыл сонные глаза и, словно продрогшая гусеница, упрямо пополз следом, пока вновь не уткнулся в его бок. Сунь Цинфэн еще пару раз пересаживался с места на место, но мальчишка настойчиво следовал за ним во сне. Плюнув на тщетные попытки уединиться, защитник обреченно вздохнул:

— Наказание ты мое... Смертный грех на мою душу.

Линьэр причмокнул губами и неразборчиво пробормотал сквозь сон:

— Старший Сунь... ребеночек...

Сунь Цинфэн, и без того пребывавший в смятении, в сердцах буркнул:

— Нет больше никакого ребеночка! Сгинул!

Так незаметно пролетело почти шесть дней.

Линьэр первым заговорил о том, что пора сниматься с места и держать путь на юг, подальше от рышущих повсюду ищеек. Однако Сунь Цинфэн, беспокоясь о неокрепшем плече воспитанника, настоял на том, чтобы переждать еще немного: в конце концов, в этих глухих горах им никто не был страшен.

За время их стоянки Линьэру пришлось еще раз испытать крови. Глядя на багряную влагу, он со всей ясностью осознал: рана затянулась в считанные дни, а его внутренние силы возросли стократно вовсе не из-за целебных трав. Сунь Цинфэн упорно хранил молчание, но юноша догадывался, что его стремительное исцеление напрямую связано с тем глотком человеческой крови.

— Старший Сунь, — как-то раз вкрадчиво поинтересовался он, — мне кажется, или ты в последнее время так и пышешь силой?

Разве мог старый воин не разгадать его детских уловок? Он ответил без утайки:

— Печать крепнет — прибывают и мои силы. Всё дело в человеческой крови, которую ты испил. Человек — венец творения, в его жилах течет чистейшая духовная энергия. Если бы ты с малых лет возвращал свое мастерство на людской крови, тебе бы сейчас не было равных в Поднебесной. Но ты этого делать не станешь, так что выбрось эти глупости из головы.

— А сам ты? — прищурился Линьэр. — Разве не мечтаешь превзойти всех мастеров?

— Да я и так сильнее всех, — отрезал защитник. — Вот только в этой роли я оказался никудышным. Я больше не тешу себя надеждой вырастить из тебя Главу дьявольского культа. Теперь моя единственная забота — оберегать твою глупую голову, чтобы никто не смел тебя порешить.

Линьэр весело рассмеялся и крепко обнял великана. За последние дни он заметно вытянулся и теперь едва ли не доставал макушкой до его плеч. Ткнувшись лицом в широкую грудь Сунь Цинфэна, он прошептал:

— Я всё понимаю, старший Сунь. С практикой торопиться не станем. Но если твоя ноша окажется невыносимой, я найду способ раздобыть человеческую кровь. Без убийств. Только у тех, кто согласится отдать её по доброй воле.

Защитник опустил взгляд: парень смотрел на него снизу вверх, и его взгляд, ясный и чистый, сиял точно так же, как во времена его далекого детства. Сунь Цинфэн вздохнул, ласково взъерошил его вихры и, ухватив за шкурку, мягко отстранил от себя:

— С этим разберемся как-нибудь потом. Сейчас есть дело поважнее, и я хочу знать, что ты думаешь по этому поводу.

Линьэр, повиснув в воздухе, смешно заболтал руками, тщетно пытаясь дотянуться до шеи великана. Да только Сунь Цинфэн высился перед ним несокрушимой скалой, и длины рук юноши явно не хватало для объятий. Забавляясь, парень принялся крутить руками во все стороны, подражая крыльям ветряной мельницы, но защитник даже бровью не повел. Быстро устав от дурачества, Линьэр безвольно свесил голову и шумно вздохнул:

— Да чего меня спрашивать? Как скажешь, так и будет.

— Я хочу отправить тебя на гору Хуашань, — серьезно произнес Сунь Цинфэн.

На глазах у Линьэра мгновенно навернулись слезы.

У Сунь Цинфэна перехватило дыхание, и он торопливо добавил:

— Я пойду с тобой! Но если будешь постоянно реветь, я этого не вынесу — сдам тебя тамошним монахам и тут же уберусь восвояси.

Слезы у мальчишки высохли в одно мгновение. Он со стуком ударил себя кулаком в грудь:

— Обещаю! Ни одной слезинки больше не пролью!

Качая головой от смеси досады и невольной нежности, защитник потянулся к нему, больно ущипнул за щеку и протянул сквозь зубы:

— Погляжу я, Глава культа, в искусстве разводить слезы тебе точно равных нет.

Спустя три дня, окончательно восстановив силы, они собрались в дорогу.

Увязывая скромные пожитки в узел, Линьэр вдруг замер и, повернувшись к защитнику, спросил:

— Старший Сунь, а почему именно Хуашань?

— Мое безумие ранило тебя уже дважды, — глухо отозвался Сунь Цинфэн. — Бог любит троицу, но если случится третий раз, как я посмотрю в глаза покойному Чжао Шо? На горе Хуашань живет твой дед, Сюэ Чжэньян. Если разум вновь оставит меня, он сумеет уберечь тебя, а меня... хотя бы запрет в Подвесной тюрьме на Утёсе Алой зари.

Линьэр покачал головой:

— Но ведь я сын Чжао Шо. Дед вряд ли обрадуется моему появлению. Говорят, он до тошноты праведен и честен — чего доброго, свяжет нас обоих и выдаст Альянсу боевых искусств.

— В городке Облачных ив мы наследили, ищейки рано или поздно выйдут на след, — возразил Сунь Цинфэн. — Постоянно бегать и прятаться по лесам — не выход. Куда надежнее затеряться среди самих праведников.

Линьэр радостно хлопнул в ладоши:

— Под самым носом у врага! Самое опасное место — самое безопасное. Значит, мы смешаемся с толпой, назовемся чужими именами и поступим в ученики к школе Хуашань, не раскрывая родства?

— Я назовусь твоим старшим братом и улещу старост, чтобы наняться на черную работу, а жить мы станем в каком-нибудь глухом ущелье. Хуашаньское искусство меча неплохо, но не более того. Захочешь — поучись у них, нет — так и бог с ним. Как только минует праздник Нового года, ты войдешь в пору зрелости, и тогда я приступлю к твоему настоящему обучению — раскрою тайны Божественного искусства Золотого облика.

— Зачем тогда вообще связываться со школой? — недоумевал Линьэр. — Поселились бы отшельниками в чащобе, да и дело с концом.

— Вся гора Хуашань принадлежит одноименной школе, чужакам там хода нет, да и подножный корм собирать запрещено. У здешних адептов уши и глаза острые, скрыться от них на их же земле не получится. А Сюэ Чжэньян... даже если он почует неладное и разгадает, кто ты, кровные узы заставят его закрыть на это глаза.

Линьэр затянул узел потуже и нетерпеливо потащил защитника к выходу:

— Тогда чего мы ждем? В путь!

Но Сунь Цинфэн остановил его. Прежде чем навсегда покинуть здешние края, он решил увести парня обратно к горе Цинмин — проститься с могилой Чжао Шо. Дорога им предстояла долгая, и кто знает, доведется ли когда-нибудь вернуться.

Великие равнины Байхая встретили их привычным мертвенным безмолвием. Снежное покрывало здесь не таяло веками, а неистовые ледяные ветры взметали белые вихри к небесам даже в разгар лета. Это место казалось самым суровым и холодным краем обитаемого мира.

Тридцать лет назад отсюда ушел последний императорский гарнизон. С тех пор на всей границе Белого моря сиротливо ютилась лишь бревенчатая хижина Сунь Цинфэна, а на вершине горы Цинмин обитали лишь верные adeпты культа Золотого света.

Теперь же посреди бескрайних снегов раскинулся грозный военный лагерь, а все тропы к горе Цинмин перекрыли дозоры регулярной армии. Слова Чжао Шо подтвердились со всей беспощадной очевидностью: за спиной Альянса боевых искусств, терзавшего культ, изначально стояла направляющая воля самого императора.

Быть может, владыка Поднебесной и не жаждал завладеть Божественным искусством Золотого облика, а лишь желал прибрать к рукам Золотую печать — истинные помыслы правителя оставались тайной. Однако в одном сомневаться не приходилось: император решил избавиться от того, кто уже сделал свое дело — пустить под нож преданную гончую, едва охота подошла к концу, чтобы безраздельно властвовать на северных рубежах империи. Почти тридцать лет воины Гуйфана не смели тревожить набегами государство Юн. И сокрушительная мощь Хранителей печати рода Чжао, лишившись своего главного предназначения — сдерживания северных варваров, превратилась в глазах трона из надежного щита в смертельную угрозу.

Умело обходя караулы, Сунь Цинфэн вывел Линьэра к Утёсу Осеннего клёна. Обвязав юношу веревкой и надежно закрепив ее на спине, он, цепляясь за выступы парой ледорубов, шаг за шагом начал спуск в бездну.

Линьэр ничуть не боялся высоты. Вися за спиной великана, он то заботливо утирал со лба защитника капли пота, то с любопытством вглядывался в синеватый лед бездонного ущелья, то провожал глазами уходящие к горизонту северные хребты.

— Старший Сунь, а каков он, этот Гуйфан? — спросил он.

Пропасть под ними казалась бесконечной, и редкие снежинки бесследно таяли в ее ледяной глубине.

— Бесплодная, дикая пустыня, — не прерывая спуска, отозвался Сунь Цинфэн. — А тамошние люди — кровожадные твари, дикари. Но умирают они точно так же, как и мы с тобой. Из плоти и крови сделаны.

— Если они люди, отчего же в них столько жестокости?

— Слышал когда-нибудь о Чжэси Байма?

— Конечно! — оживился парень. — Я в детстве зачитывался сказанием о Байсюэне. Чжэси Байма ведь начинал простым невольником у гуннов, а как попал в Срединную равнину, сумел оправдать своего отца-генерала, которого оболгали и обвинили в измене. Его тогда пожаловали титулом маркиза Цинхэ. А пять веков назад, во времена междоусобиц Лян и Чжоу, он завоевал для империи Хань все земли к северу от Янцзы. Жаль только, та династия быстро угасла... Он сосредоточил в своих руках огромную власть, но из-за смешанной крови метался между двумя мирами и от вечных дум поседел за одну ночь. В конце концов, чтобы прекратить кровопролитие, он отдал императорскую печать правителю Хуайнаня и ушел странствовать по свету вместе с Цэнь Фэйюем. А позже они основали Альянс боевых искусств.

Линьэр слегка порозовел и смущенно добавил:

— Говорят, они принесли брачные обеты прямо на поле боя и больше никогда не расставались. А ведь Цэнь Фэйюй был старше Чжэси Байма на целых пятнадцать лет...

— Твою дивизию, а я старше тебя на сто девяносто восемь лет! — в ярости рявкнул Сунь Цинфэн так, что эхо покатилося по ущелью.

Линьэр опешил и принялся загибать пальцы, силясь сообразить, правда ли это.

«Надо же, как быстро у старшего Сунь получилось сосчитать, — изумился он про себя. — Или он уже давно прикидывал разницу?»

Сорвавшаяся из-под ног великана каменная крошка с тихим шелестом канула в пелену тумана.

Сам Сунь Цинфэн после своего выкрика почувствовал крайнюю неловкость, словно невзначай вырыл глубокую яму и сам же в нее свалился. Спешно сделав вид, будто ничего особенного не произошло, он сурово продолжил:

— Чжэси Байма вовремя оставил службу ради мира между племенами. Новая династия позволила кочевникам селиться на Срединной равнине. Но нашлись и те, кто не пожелал гнуть спину перед ханьцами. Бунтовщиков выдворили далеко на север, за хребты Куньлуня. Там, спустя сотню лет, они и основали свое государство — Гуйфан.

— Какая жалость, — вздохнул Линьэр. — В жилах нынешних жителей равнин течет кровь стольких народов, что чистокровных ханьцев и не сыскать. Если бы тогда северяне согласились на мир, скольких бессмысленных смертей удалось бы избежать...

— Всё так, да не совсем, — покачал головой Сунь Цинфэн. — Триста лет назад снежные поля Байхая содрогнулись, и сквозь великую трещину в наш мир хлынули полчища демонов. Когда та война утихла, уцелевшую нечисть прогнали за Куньлуньские горы. Там варвары Гуйфана стали мешаться с отродьями тварей. С тех пор в них течет нечистая кровь — они сильнее и выносливее обычных людей, но звериного в них куда больше, чем человеческого. Не ровня они нам, и жалости твоей не стоят.

— Эх, — Линьэр мечтательно глянул. — Вот бы и мне прожить жизнь так же ярко, как Чжэси Байма! Пусть без великих побед и славы, но хотя бы защищая слабых и творя справедливость. Тогда и умереть не жалко.

— Ты держись крепче, мечтатель! — оборвал его великан. — Сперва хоть лет десять разменяй, а потом уже о подвигах рассуждай.

За разговорами они и не заметили, как спустились к подножию скалы.

Три года минуло с того дня, как Чжао Шо сорвался в пропасть. Снежные бури и дикие звери давно не оставили от его останков и следа. Юноше оставалось лишь опуститься на колени посреди сиротливого ущелья и отвесить земные поклоны на четыре стороны света, надеясь, что колючий ветер унесет его безмолвную сыновнюю скорбь к небесам.

Сунь Цинфэн тем временем обошел ущелье кругом и отыскал погребенный под слоем грязи и жухлой травы меч Отражающий зло. Бережно смахнув с ножен налипшую землю, он протянул оружие преемнику:

— Сказывают, высоко над облаками, на горе Линшань, колышется бескрайнее море душ. Туда уходят все мертвые, чтобы возродиться вновь в бесконечном круге жизни. Наш дух вечен, Линьэр, так что не рви себе сердце напрасной тоской.

Линьэр благоговейно коснулся холодной стали меча Отражающего зло и твердо произнес:

— Я не посрамлю памяти отца.

— Глядя на твое унылое лицо, ни за что не поверишь, что ты Глава дьявольского культа, — беззлобно проворчал Сунь Цинфэн. — Будь я твоим родителем, точно швырнул бы сверху камень поувесистее, чтобы взбодрить дурака.

— Ой! — Линьэр испуганно вскинул голову и поднял руки, закрывая лицо. — И правда летит!

— Берегись! — Сунь Цинфэн мгновенно сгреб юношу в охапку и вихрем отскочил в сторону.

Парень мягко высвободился из его медвежьих объятий и весело, лукаво заговорчески прищурился, едва сдерживая смех.

— Ах ты негодник! — задохнулся от возмущения защитник, поняв, что его беззастенчиво разыграли.

— Мой отец безраздельно доверял тебе, старший Сунь, — Линьэр поднялся с колен, спрятал клинок в ножны и ласково посмотрел на великана. — На этой земле его больше ничего не

держит, его душа давно нашла покой в вышине. Пусть сейчас я никудашний глава культа, мне довольно и того, что ты по-прежнему рядом. — Он развернулся и легким шагом направился к выходу из ущелья, бросив через плечо: — Ведь ты меня не бросишь, правда?

— Мели емеля, твоя неделя! — ворчливо крикнул ему вслед Сунь Цинфэн, поспешно шагая следом.

Покинув Утёс Осеннего клёна, путники двинулись в сторону Хуашаня. Они вновь преодолели суровые снега Байхая, оставили позади бескрайние безжизненные пустоши и миновали бесчисленные горные цепи. Спустя два месяца тяжелейшего пути они наконец вошли под сень массивных ворот великого города Чанъань, чтобы перевести дух перед последним броском.

<http://bllate.org/book/18425/1810847>